

утраты их специфики и поглощением их математикой (ср. идеи Марбургской школы, представители которой считали, что именно математика должна стать звеном, объединяющим все отрасли научных знаний). Если еще в 60-х годах структуралисты заявляли, что общественные науки не являются подлинными и имеющими право на «автономное» существование, то в наше время никто уже не противопоставляет науки «точные» и «неточные» (resp. гуманитарные). Такое противопоставление, не базирующееся на марксистской классификации научных дисциплин, теперь сохраняется, пожалуй, только в околоакадемической среде. Поэтому хорошо аргументированные возражения против прошлых попыток скомпрометировать науки, изучающие человека и объясняющие развитие общества, воспринимаются в наши дни как несколько запоздалая реакция. Да и «посягательство» математики на суверенитет лингвистики оказывается мнимым. И вряд ли так уж необходимо было цитировать сделанное в 1966 г. высказывание Ю. Д. Апресяна о том, что сущность спора между структуралистами и неструктуралистами сводится к вопросу о понимании «природы объекта» лингвистики, возможности превращения этой гуманитарной науки в «точную». Такую идею уже нельзя назвать ни злободневной, ни «разительной» по ее неприемлемости для собственно современного советского языковедения: она стала достоянием истории. Быть может, и сам Ю. Д. Апресян сейчас не подписался бы под этим своим выступлением семилетней давности.

«В последние годы,— пишет Р. А. Будагов,— часто приходится слышать (?), что предметом языкознания является прежде всего семиотика» (401). Утверждение это остается без необходимой документации или «паспортизации», тогда как во всех других случаях автор, полемизируя со своими оппонентами, ссылается на определенные источники и цитирует их. Допустимо ли усматривать криминальные попытки к полному вытеснению лингвистики семиотикой, если, по словам Р. А. Будагова, кто-то из анонимных сторонников такой подмены утверждает, что «предметом языкознания является прежде всего семиотика»? Но «прежде всего» означает «в первую очередь», а не «единственно» и не «исключительно». В трактовке сигнальной функции знака как единицы целостной семиотической системы остается много неясного, потому что сложность затронутой проблемы требует обстоятельного ее изложения. И вряд ли можно удовлетвориться простой ссылкой на «сигнальную функцию», которую «отнодь не всегда» выполняют знаки, а также на редкость этой функции в языке как на аргумент в пользу того, что семиотика занимает в общей лингвистике «сравнительно скромное место». Остается открытым вопрос о том, что именно понимает автор статьи под «сигнальной функцией знака». Если речь идет о так называемых «знаках-сигналах», то этим термином принято пользоваться только применительно к неязыковым знакам специального назначения, предупреждающим о событии, которое следует (или не должно следовать) за таким знаком, или информирующим об определенных обстоятельствах, чтобы позволить воспринимающему «знак-сигнал» ориентироваться в данной ситуации. Почему же «сигнальная функция», которую язык «может выполнять... в ограниченном числе случаев» и которую, по утверждению автора статьи, «знаки отнодь не всегда выполняют», представлена как единственный довод в пользу доказательства того, что лингвосомиотика занимает в общей лингвистике «скромное место»? Такое заключение кажется не очень веским, потому что языковые знаки обладают сложной функциональной характеристикой (ср. функцию познавательную, функцию общения, функцию передачи сообщения, выражения смысла). И если уж говорить о специфике семиотической проблематики, то надо было бы упомянуть, например, о синтактике, семантике, прагматике и проч.

Статья направлена против непонимания преемственности в развитии науки, против нигилистического отношения к культурному наследию.